

Они

возвращаются!

О мистике в стиле мистерии

*Пустите!
Меня не останавливайте!*

*Вру я, в праве ли,
Но я не могу быть спокойней.*

В. Маяковский, «Облако в штанах»

В ХУДОЖЕСТВЕННОМ произведении мистика всегда загадочна, таинственна и, конечно же, непонятна, почти необъяснима. Но в этом и интерес. Лично мне всегда интересно ждать продолжения этого «тумана», воображая: «Кто же это мог быть?», «Чем это кончится...?» И здесь вспоминаю А. С. Пушкина: «Ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад!»

Мистический опыт человека очень богат. Многое зависит здесь не только от уровня его религиозности, но и от интеллектуального уровня. Когда Ф. М. Достоевский писал о животных, то утверждал, что «они никогда не претворяются и никогда не лгут». Хотя есть и у них есть обманщики. Например, куропатки уводят по ложному пути охотника от своего гнезда с птенцами. Но это уже святая ложь. Это импринтинг. Врождённое. Люди же обман не ощущают. Они им живут. Все мы выросли во лжи. Человек лгущий был, есть и будет.

Что же касается мистического опыта в литературе, то здесь сложнее. Здесь нельзя путать мистику с историей литературной мистификации. Это литературный подлог. Произведение выходит из-под пера вымышленного автора. Однако нас интересует мистика как феномен иррациональности, невыразимости, неопишуемости того или иного процесса, явления, стояния персонажа художественного произведе-

ния. Бывает, когда у писателя нет возможности подобрать нужные слова для описания, допустим, бескорыстной любви, красоты, блаженства и тогда он отдаётся во власть «тумана-обмана». Но бывает и преднамеренное желание писателя создавать мистические произведения с определённой целью, чтоб ввести читателя в заблуждение, запугать его, запутать, увести в путешествие по лабиринтам страхов, страшилок. Такие произведения во времена Средневековья создавались особенно талантливо, с пристрастием. В таких произведениях был уже не только вымысел, но и умысел. Время было такое. Не зря Средневековье называют «чёрной дырой» мировой культуры. Надо сказать, что литературный жанр «хоррор», несмотря на свою «старость», сейчас омолаживается, возвращается к современному массовому читателю. И его с радостью встречают, поскольку интереснее этих произведений сегодня ничего нет.

Надо отдать должное авторам мистических произведений: они придают большое значение страху, видимо, потому, что сейчас молодые люди перестали бояться, они смелы, даже бесстрашны. Но, к сожалению, бесстрашие в человеке — аналогично инвалидности. Это патология, поскольку у человека со здоро-

Уж если кто так часто обманывает нас, так это мы сами. Мистика какая-то? Рассмотрим это в контексте роли мистики в литературе и обществе.

*Владислав Оскарович Скитневский,
кандидат педагогических наук, доцент
библиотекovedения, г. Кингисепп*

вой психикой страх должен выполнять защитные функции. Но авторы мистической литературы это, конечно, хорошо понимают, ибо они хорошие психологи и умеют хорошо рассказывать разные жизненные истории. Они-то уж понимают, что в мире духовного отчуждения, (сейчас в нём оказались многие!) читатель начнёт выходить за границы своего гнетущего бытования. Переживая собственную беспомощность, неудовлетворённость навалившейся на него сущностью, он сильнее испытывает страх перед пустотой своего существования. Страх, даже вызванный незначительными страшилками, подавляет личность читателя, способствует окончательной утрате идеалов, парализует его жизнедеятельность, формирует в нём стремление к одиночеству, желание улететь куда-нибудь в неведомые дали. Рассказ закончился, а вместо «райских куш» ... Кущёвка.

Однако мистика, как бабка-повитуха, возвращалась со своей помощью к читателю и из древности. Вводить читателей в заблуждение стало делом заказным. Так, например, в ноябре 1917 года нарком просвещения А. В. Луначарский обратился к Союзу деятелей искусств Петрограда с призывом помочь простому народу разобраться в революционных событиях, разъяснить им смысл создания нового государства. Чуть ли не первым к нему пришёл В. Маяковский и подал ему «Мистерию-буфф». Нарком приказал немедленно печатать «Мистерию» и начать представления. Что же понравилось первому советскому нарком просвещения?

Во-первых, в основу «Мистерии-буфф» поэт положил библейский события «Всемирного Потопа», поскольку пьеса и была рассчитана на весьма невзыскательные вкусы неграмотного народа. И народ принял её с восторгом. В «Мистерии» людей впечатлял апофеоз советской коммуны. Обман, основанный на сильных взаимных чувствах толпы, формировал одновременно любовь и ненависть, веру в будущее новой России. Во-вторых, «Мистерию» В. Маяковского не понимали даже интеллигентные, образованные люди, тогда как народ вполне мог разобраться в том, кто это перед ним: «семь пар чистых» и «семь пар нечистых». Здесь же знакомые ему черти, святые, соглашатели,

интеллигенция, Саваоф и др. Ну все, как по Библии, только непонятно, куда его зовут. В какое будущее? Туманно. Не-объяснимо. «Мистерия-буфф» стала торжеством демократизма В. Маяковского. Он первым заговорил с народом не только голосом эпохи, но и голосом древней мистики.

*Трудом любовным
Приникнем к земле
Все,
Дорога кому она.
Хлебьтесь, поля!
Дымитесь фабрики!
Славься, сияй,
Солнечная наша Коммуна!*

Наполненная сгустками загадочности, необъяснимыми посулами, «Мистерия-буфф» В. Маяковского стала не только шедевром революционной поэтики, но и мистификации. Талант поэта вводить в заблуждение народные массы по социальному заказу сделал его Великим мистификатором Великой Революции.

Мистика и в советской литературе заняла не последнее место. К ней обращались большие, опытные писатели. Достаточно вспомнить М. Булгакова и его роман «Мастер и Маргарита». Так в девятой главе он пишет: «...что такое официальное лицо или неофициальное? Всё это зависит от того, с какой точки зрения смотреть на предмет... Но всё это так зыбко, условно».

Много позже, уже «на закате оттепели», у народа появилась возможность прочесть этот великий роман-мистификацию. Читатели рассуждали примерно, так: «Какая прелесть! Перечитала трижды и ... ничего не поняла. Наверное, я дура ...» Да, нет! Не дура. Не только она не поняла М. Булгакова. Сталин

тоже не мог понять его и потому звонил писателю по ночам. Просто писатель умел мастерски рассказывать, вводя читателя в заблуждение. Его творчество не могло не вызывать у некоторых товарищей из «органов подозрения» большие сомнения. Всё-таки «сомнительное содержание» романа, да и рассуждения в границах правдоподобия. Ложь? Клевета на честных людей?

Несмотря на строгость цензуры и критики, мистика занимала надёжное место в советской художественной литературе: где в меру, где с избытком. Последнее происходило даже по социальному заказу свыше. Не секрет, что от её избытка страдали многие произведения писателей, создававших образы героев гражданской и Великой Отечественной войн. Авторы, которые по-разному относились к заигрыванию с мистикой, хорошо понимали, что это было необходимо стране. Образы героев в литературе и в кинофильмах героев должны были вдохновлять народ. Родина-мать, закономерно была полна боязни, чтоб её сыновья «не дрогнули в бою за Отчизну свою». И писатели не скупилась на мистификацию, используя все имеющиеся литературные тропы для «приукрашивания реальности». Такое было время.

Всё возвращается на круги своя. Возвращение методов мистификации замечено сегодня не только в литературе, но в социально-политической, культурной жизни нашего общества. Известно, что человек за века создал богатейшую классификацию обмана: многоликую, вездесущую, разнообраз-

ную. Не мудрено, что при таком богатстве ложь была и остаётся не только коммуникативным актом, но и профессиональным воздействием на адресата лжи, в том числе и на читателя. При этом мистификация «помогает» адресату (читателю) уверенно ориентироваться на то, что не соответствует действительности. Но ведь нет гарантии того, что та или иная истина не есть фальсификацией фальшивого?

Меняются люди и общество. Только ложь остается неизменной, трансформируясь в стабильную органическую форму человеческой активности. Миф, ложь, обман, мистификация по сути своей одного поля ягода. Ложь вписалась в жизнь человека под разными «соусами», профессиональными (в компетентных органах), сакральными (в медицине, в религиях). Надо сказать, что сознание русского массового читателя (в основном интеллигенции!) всегда отличалось бинарностью, раздвоенностью. «Старая» или «новая» власти в переходные периоды менялись лишь в оценках. Не менялась только всё та же установка на «лучшее будущее», на благо народа. Вот почему механизм любой социальной смуты начинал «заводиться» со лжи, которую разносили все возможные коммуникационные формы и способы. В наши дни бинарное сознание людей (при отсутствии конкретных духовных и нравственных ценностей) хорошо «подпитывается» литературной мистикой, как своей, доморощенной, так и древнеанглийской и средневековой литературы, обожанием прекрасных героев Джона Рональда Руэла Толкина.

Однако и в России есть о чем написать в этом же ключе. Нужны только научные обоснования. В этой связи вполне достаточно обратиться к интереснейшим исследованиям доктора философских наук, профессора Ж. Т. Тощенко, много лет изучающего «кентавр-проблему». *«Что касается современной российской действительности, — пишет он, — то она во многом характеризуется процессами и явлениями, которые несут в себе взаимоисключающие начала и характеризуются парадоксальными, несочетаемыми признаками, что позволяет нам обозначить их как кентавр-проблемы».*

Суть данного феномена заключается в том, что в условиях рыночных экспериментов массовым стало уникальное явление, когда один и тот же человек, одни и те же люди одновременно придерживаются взаимоисключающих социальных и политических суждений, ориентаций, одновременно исповедуют противоположные, противоречащие друг другу установки. Об этом же свидетельствует и академик Б. Раушенбах: *«... всякий нормальный человек рождается с задатками кентавра».* Конечно, кентавр, — это символ чужого, тем более мифического бытия, и современные фантомы, не имеют ничего общего с причудливыми явлениями или призраками. Ну, кто поверит, что кентавры начали возвращаться на своё старое место к землянам? Но ведь не один профессор Ж. Т. Тощенко говорит об этом. Так, например, писатель Андрей Битов в своей последней книге «Оглашенные» ввёл в перечень действующих персонажей «кентавриста» на равных правах с физиком, психиатром, архитектором, богословом... И уж совсем удивительно, что в одном из университетов Москвы была написана программа учебного курса «Кентавристика», которую составил и читал создатель этой теории профессор Д. С. Данин. Ряд учёных и сегодня считают, что учение о кентаврах несёт в себе большой познавательный и научный потенциал, в основе которого лежит парадоксальная проблема: **сочетание несочетаемого.**

Конечно, «вернувшихся» кентавров теперь уже не примешь за ту химеру о четырёх ногах, что знакомо нам по учебникам истории Древнего Мира. Сегодня мы имеем дело с respectable деловыми

ми, интеллигентными людьми, поведение и деятельность которых носит весьма парадоксальный характер, связанный с раздвоенностью их сознания, и, конечно, к соматологии теперь уже никакого отношения не имеет. И хотя раздвоение сознания само по себе ещё не ложь, но там, где оно уже укоренилось, ложь не только не может не иметь места, но даже служит базовой ценностью «кентавра».

И ещё одно обстоятельство, связанное с возвращением кентавров. Судя по ряду философских исследований, речь идёт о расколотости общественного сознания россиян. Она, как считают специалисты, тоже носит бинарный характер, как и в мифологии, ассоциируясь с призраками «оборотней», «химер» и других мистических персонажей. Парадоксальные диады «сочетания с несочетаемым» можно встретить часто — чего только стоят такие, как «коммунист-христианин», «судья-взяточник», «врач-предприниматель», «рабочий-раб» и др.

По сути дела, пережитая нами «перестройка» воспринимается в обществе как мистика, а точнее — обман. Только на какое-то время люди почувствовали себя свободными. Стоя на перепутье двух дорог, люди раздумывали, куда себя деть: или сохранить себя как личностную уникальность, или разрушить её до основания, а затем ... Видимо, последние и приняли кентавризм.

Будем ждать теперь новых мистических произведений и аналогичных научных открытий, связанных с возвращением кентавров. Так что: «Виват, Хирон! Виват!»

С автором можно связаться:
vlad.slod36@mail.ru

Лотман Ю. М. Механизм смуты // История и типология русской культуры. — СПб.: Искусство. — 2002. — С. 40.

Раушенбах Б. Кентавр и не кентавр // Вестник РГУ. — Вып. 1. Кентавристика: опыт сочетания несочетаемого. — М., 1996. — С. 73.

Тощенко Ж. Т. Кентавр-проблема как особый случай парадоксальности общественного Сознания // Вопросы философии. — 2002. — №6.

О месте и роли мистики в человеческом сознании и литературе.

Художественная литература, общество, история

The place and the role of mysticism in human consciousness and literature.

Literature, society, history